

Кончина Ан. П. Чехова.

— Въ понедѣльникъ 4-го іюля, утромъ, гробъ съ тѣломъ А. П. Чехова отправленъ въ Россію черезъ Вержболово, въ четвергъ, утромъ, будетъ доставленъ въ Петербургъ а утромъ въ пятницу прибудетъ въ Москву, гдѣ прямо съ вокзала процессія направится къ мѣсту погребенія въ Ново-Дѣвичьемъ монастырѣ. Тѣло нельзя было набальзамировать, и металлическій гробъ пришлось тотчасъ же запаять. Причиной смерти врачъ опредѣляетъ параличъ сердца, вызванный процессомъ въ легкихъ. Въ послѣднія мгновенія умирающій находился въ полномъ сознаніи и спокойно смотрѣлъ въ глаза приближающейся смерти. Когда на сердце ему былъ положенъ пузырь со льдомъ, онъ сказалъ: „Пустому сердцу никакой ледъ не поможетъ“. Умеръ онъ на рукахъ супруги, около трехъ часовъ утра. О. Л. Чехова получаетъ со всѣхъ сторонъ массу телеграммъ, изъ Россіи и отъ русскихъ, находящихся за границей, въ которыхъ выражается соболѣзнованіе по поводу кончины ея мужа и скорбь о крупной утратѣ, понесенной Россіей со смертью А. П. Чехова. (*Рус. Вѣд.*)

— *Рус. Вѣд.* получили слѣдующую телеграмму изъ Херсона отъ 4-го іюля: Многочисленные почитатели столь безвременно скончавшагося Антона Павловича Чехова, собравшись сегодня въ помѣщеніи херсонской общественной библіотеки для принесенія молитвъ объ упокоеніи души великаго писателя, уполномочили дирекцію библіотеки просить васъ передать осиротѣлой семьѣ усопшаго, что въ посланные ей дни тяжелаго испытанія она не одинока: ея скорбь со жгучей болью раздѣляется всѣми, кто высоко цѣнилъ незабвеннаго выразителя правды жизни и печальника безотрадной дѣйствительности.

— Въ *Новое Время* телеграфируютъ изъ Ялты: Впечатлѣніе извѣстія о смерти въ Германіи Антона Чехова произвело въ Ялтѣ удручающее впечатлѣніе. Чеховъ поправлялся, чувствовалъ себя прекрасно, собирався возвратиться на ялтинскую дачу въ началѣ осени и мечталъ о новыхъ работахъ.

— *Рус. Вѣд.* сообщаютъ, что, по желанію Ольги Леонардовны Чеховой, тѣло А. П. Чехова будетъ предано землѣ въ Москвѣ, на кладбищѣ Ново-Дѣвичьяго монастыря. Мѣсто для могилы выбрано по порученію г-жи Чеховой редакторомъ *Русской Мысли* В. А. Гольцевымъ. Могила будетъ приготовлена въ юго-западной части кладбища, въ близкомъ сосѣдствѣ съ могилой поэта А. Н. Плещеева. Въ редакціи *Русской Мысли*, гдѣ покойный писатель въ послѣднее время принималъ ближайшее участіе въ качествѣ члена редакціи и редактора одного изъ отдѣловъ журнала, получается со всѣхъ концовъ Россіи много телеграммъ съ выраженіемъ соболѣзнованія по поводу безвременной кончины любимаго писателя.

— А. С. Суворинъ по поводу смерти Чехова пишетъ въ *Новомъ Времени*:

Уже 10 лѣтъ тому назадъ его одолѣвалъ кашель и были сильные перебои сердца, о которыхъ онъ не разъ упоминалъ въ своихъ письмахъ ко мнѣ. Изъ Ялты въ апрѣлѣ 1894 года онъ писалъ объ одномъ своемъ сердечномъ припадкѣ: „Чувства теплоты и тѣсноты, въ ушахъ шумъ; быстро иду по террасѣ, на которой сидятъ гости, и одна мысль: какъ-то неловко падать и умирать при чужихъ“. И чахотка давно таилась въ его груди. У него случилось первое кровохарканіе въ Сибири, черезъ которую онъ ѣздилъ на Сахалинъ въ 1890 году, но потомъ онъ чувствовалъ себя лучше. Первый сильный припадокъ чахотки, кровоизліяніе, влѣдствіе чего онъ легъ въ клинику, случился при мнѣ въ Москвѣ въ 1896 году, когда мы съ нимъ сѣли обѣдать. Было это какъ разъ въ день разлива рѣки Москвы. Я увезъ его въ гостиницу и послалъ за врачами; одинъ изъ нихъ былъ его пріятель. Когда, осмотрѣвъ, они уѣхали, онъ сказалъ мнѣ: Вотъ какіе мы! Говорятъ врачи мнѣ, врачу, что это желудочное кровоизліяніе, и я слушаю и имъ не возражаю, а я знаю, что у меня чахотка“.

Затѣмъ г. Суворинъ рассказываетъ о матеріальной сторонѣ изданій Чехова: Марксъ въ 1899 году купилъ его сочиненія за 75 тыс. р. и то, что было напечатано, и то, что будетъ напечатано, съ уплатой этихъ денегъ въ теченіе 3-хъ лѣтъ. Марксъ требовалъ отъ Чехова какъ можно больше рассказцевъ и составилъ изъ нихъ нѣсколько томовъ. Естественно, что Марксъ выручилъ всю уплаченную Чехова сумму въ первое же изданіе. Эта продажа составляла одно изъ мученій его за послѣдніе годы. Получи онъ 75 т. р. разомъ съ Маркса, онъ бы могъ что-нибудь сдѣлать съ этимъ капиталомъ, но, получая ихъ по частямъ въ три года, онъ затѣялъ строить дачу и въ нѣсколько лѣтъ эти тысячи растаяли, и растаяла мечта о своей независимости и свободѣ. Онъ снова остался безъ денегъ и единственный ресурсъ, который ему оставался, это—трудъ, а болѣзнь усиливалась, то замирая, то проявляясь сильнѣе. Два года тому назадъ, разъѣзжая съ нимъ въ Москвѣ по кладбищамъ (и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ онъ любилъ до странности посѣщать кладбища, читать надписи на памятникахъ или молча ходить среди могилъ), онъ говорилъ, что не можетъ писать беллетристики. Мысль, что онъ все продалъ, прошедшее и бу-

дущее, что есть у него хозяинъ, который по праву покупки всѣмъ этимъ владѣть, какъ собственностью, отравляла его.

— Въ *Нов.* напечатана слѣдующая бесѣда сотрудника газеты съ женой брата А. П. Чехова, живущей на дачѣ подъ Петербургомъ:

— Печальное извѣстіе получено было нами еще вчера подъ вечеръ. Мой мужъ тотчасъ-же уѣхалъ на встрѣчу тѣлу. Еще недавно только мы разстались съ Антономъ Павловичемъ; мы гостили съ Александромъ Павловичемъ у него въ Ялтѣ; а теперь, какъ видите, ему придется видѣть лишь трупъ бездыханный,—вздохнула Н. П. Чехова, супруга брата почившаго писателя.

— Была-ли его смерть неожиданностью?—отвѣтила Н. П. на мой вопросъ. — Врядъ-ли: рокового момента надо было ожидать съ минуты на минуту; въ послѣднее время Антонъ Павловичъ былъ очень слабъ. Когда мы пріѣхали къ нему въ Ялту весною этого года, я была страшно поражена происшедшей въ немъ переменой. Это былъ положительно живой мертвецъ. Въ особенности лицо исхудало. Щеки ввалились. И до этого его нѣсколько лѣтъ не видѣла и помнила его такимъ красавцемъ.

Да, послѣдніе годы сильно подкосили его.

Какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, у него развилась чахотка. Быть можетъ, онъ и не сошелъ-бы такъ скоро въ могилу, еслибы былъ осторожнѣе. Но онъ ничего и слышать не хотѣлъ. Сколько его беспокоили въ Ялтѣ, даже передать трудно. Вѣчные визиты, вѣчныя посѣщенія. То ялтинскіе обыватели, то курортная публика, а многіе даже специально пріѣзжали. И въ какомъ-бы онъ ни былъ состояніи, онъ всегда всѣхъ приглашалъ. Иногда даже черезъ силу. Самъ кашляетъ, усталъ, ему-бы отдохнуть; ужъ мы его бывало урезонивали: „ну, что за бѣда, въ другой разъ придуть; вѣдь, не по экстренному дѣлу, да и самому посѣтителю непріятно будетъ, если узнаеть, что больного потревожилъ“.

Но Антонъ Павловичъ и слышать не хотѣлъ. Чуткій, отзывчивый и чрезвычайно деликатный, онъ не могъ отказывать: „нѣтъ, нельзя, надо принять“. Положительно ему покою не давали. Пребываніе въ Ялтѣ, однако, принесло ему, повидимому, нѣкоторую пользу. Онъ сталъ себя чувствовать немного лучше. Хотя видъ его былъ, все-таки, ужасенъ. Но тутъ присоединилась еще другая болѣзнь: разстройство кишечника. Эта болѣзнь причиняла ему, пожалуй, еще большія страданія. Но главное, что ему нельзя было изъ-за этого пить молока. А оно ему было необходимо.

Это стеченіе болѣзней, повидимому, и ускорило печальную развязку.

Антонъ Павловичъ рѣшилъ поѣхать за границу. Проѣздомъ онъ остановился въ Москвѣ и тамъ простудился въ маѣ мѣсяцѣ. Сами знаете, вѣдь, какое лѣто было. И здоровому простудиться не мудрено было.

Эта простуда окончательно подорвала его здоровье и за границу онъ уѣхалъ—такъ, говорятъ, страшно было посмотреть на него. И, конечно, мы ужъ мало надѣялись на благополучный исходъ.

Первое время мы часто получали письма. Изъ нихъ мы однако не могли заключить, что такъ скоро наступитъ роковой конецъ. Вѣдь, онъ былъ очень терпѣливъ и никогда почти не жаловался, а такъ тихо про себя переносилъ свои страданія, да лицо выдавало.

Потомъ письма стали рѣже.

А вчера получено было печальное извѣстіе. Другой братъ, Михаилъ Павловичъ получилъ телеграмму на нѣсколько часовъ раньше; но телеграмма лежала до вечера нераспечатанной, такъ какъ М. П. въ отъѣздѣ.

Къ вечеру и мы получили.

Послѣ Антона Павловича остались мать, жена, сестра,—дѣтей нѣтъ.

Больше всѣхъ онъ былъ обязанъ сестрѣ, которая все время неустанно за нимъ ухаживала, даже за-мужъ не вышла изъ-за него.

Матеріально онѣ обезпечены. А. П. оставилъ домъ въ Ялтѣ, нѣсколько дачъ.

Но главнаго наслѣдства онъ ихъ, какъ мы всѣ говоримъ, лишилъ: онъ продалъ всѣ свои сочиненія Марксу за 75 тысячъ. Наслѣдники, кажется, даже не имѣютъ права издавать ихъ.

Но всѣ эти вопросы, конечно, ничто въ сравненіи съ тяжелой потерей.